

УДК 801. 808.809

Мугумова А. Л.

Дагестанский государственный педагогический университет

**ТЮРКИЗМЫ, УСВОЕННЫЕ РУССКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ В
НАЧАЛЬНЫЙ (КОНЕЦ XVII-XVIII ВВ.) ПЕРИОД
ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ, В «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ»**

A. Mugumova

Daghestan State Pedagogical University

**TURKIC WORDS, ACQUIRED BY RUSSIAN NATIONAL LANGUAGE
IN THE INITIAL (THE END 18TH-19TH CENTURIES) STAGE OF ITS
FORMATION, IN THE 'DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY'**

Аннотация. Статья посвящена историко-этимологической характеристике исконно тюркских слов, усвоенных русским национальным языком в начальный (конец XVII-XVIII вв.) период его формирования и получивших отражение в «Словаре Академии Российской». Устанавливаются конкретные тюркские языковые источники выявленных лексем и пути (непосредственные или опосредованные, устные или книжные) их проникновения в русский язык. Среди них отмечается преобладание татаризмов, а также отражение лексического влияния крымско-татарского и кумыкского языков наряду с турецким.

Ключевые слова: русский национальный язык, исконно тюркские слова, лексическое заимствование, «Словарь Академии Российской», татарский, турецкий, крымско-татарский и кумыкский языки.

Abstract. The article is devoted to the historic-etymological characteristic of native Turkic words, acquired by Russian national language in the initial (end 18th-19th centuries) the period of its formation and received reflection in the 'Dictionary of the Russian Academy'. The concrete Turkic language sources of the revealed lexemes and the way (direct or indirect, oral or written) of their penetrations into the Russian language are established. Tatar words prevail among them, and the reflection of the lexical impact of the Crimean Tatar and Kumyk languages along with Turkish influence is emphasized in the paper.

Keywords: Russian national language, native Turkic words, lexical borrowing, Dictionary of the Russian Academy, Tatar, Turkish, Crimean Tatar and Kumyk languages.

Предметом анализа служат исконные, собственно тюркские лексические формы, рассматриваемые в узком смысле. Они противопоставляются как псевдотюркизмам («нетюркизмам, пришедшие через тюркскую среду»), так и псевдоевропеизмам («тюркизмам, пришедшим через европейскую среду») [25, с. 6]. Их усвоение, особенно в послепетровскую эпоху (30-е гг. XVIII в. - начале XIX в.), когда русский литературный язык активно обогащался как за счёт заимствования иноязычной, так и освоения диалектной лексики [6, с. 167], происходило в подавляющем большинстве случаев устным путём, через посредство русских говоров, ареально смежных соответствующим тюркским языкам. Это могло обусловить отражение данных тюркизмов в первом нормативно-толковом «Словаре Академии Российской» 1789-1794 гг. ввиду известных его пуристических установок [2, с. 69].

1. Преобладание татаризмов среди выявленных лексических форм, возможно, свидетельствует о сохранении в рассматриваемый период ведущей роли татарского языка как основного источника русских тюркизмов. Татаризмы носят зачастую областной характер и представляют собой разнообразные в семантическом отношении лексемы, связанные с фа-

уной (*байбак*, *бурундук*), первая из которых может носить фразеологически связанный характер, рыболовством (*кармак/ кормак*, *чебак*), бытом (*баклага*, *бухтарма*) и одеждой (*ергак*), жилищем (*юрта*) и ландшафтом (*буруны*).

Байбак (*бабак* [Лексикон 1767 г. 18, Т.1, 65]), а, м. 'сурок' в составе несвободных устойчивых сочетаний слов: «*Лежит как б.* О ленивом человеке»; «*Живёт байбак байбаком.* Об одиноком или нелюдимом человеке» (Слов. Акад., 1789 г.) [11, Вып. 1, 128]. В русских говорах с достаточно давних, до 1820 г. (см. ниже), времён: *байбак* вост., *бабак* юж. 'степной сурок' [4, Т.1, 38]; *байбак* «1. Одинокий мужчина, бобыль (Киров., Арх., Пошех., Яросл., Нижегород.). 2. Неповоротливый, ленивый и глуповатый человек (Ряз., 1820; Волог., Перм.). 3. Обычно *мн.* Кличка карел. (Олон., 1885-1898) [10, Вып. 2, с. 52]. В книжном языке (начиная с «Женитьбы» и «Мертвых душ» Н.В. Гоголя), как и в диалектном, представлены и производные (*байбачий*) формы (Соколов, 1834; Энцикл. лекс. 1835; Слов. Акад. 1847), а также Даль, Слов.: *байбачина* 'мясо сурка', *байбачник*, *байбаковина*. - Тат. *байбак* – сурок [13, Т. 1, с. 244; 14, Т. 1, с. 296], точнее, из тат. или башк. *байбак* 'сурок' [20, с. 11]. На это указывают и переносные значения, отразившиеся довольно рано (ср. Ряз., 1820) и преимущественно в русских говорах, ареально смежных татарскому языку.

Баклага (бо-), и, ж. 'деревянный сосуд для жидкостей' (Словарь Левшина, 1788 г.), *боклак* то же – вышло из употребления (Лексикон Поликарпова, 1704), *баклага*, *баклажка* (Слов. Акад., 1789) [11, Вып. 1, с. 129], *баклашка* (Лексикон Поликарпова, 1704) [20, с. 15], *баклаг*, м. (Даль, Слов.), что в последующем поддерживается отражением ещё одной производной формы (*баклажный*) в академическом словаре 1847 г. и закреплении в русской художественной литературе, но конца XIX-начала XX вв. современных значений... - От тат. *баклак* [13, Т. 1, с. 95; 14, Т. 1, с. 300; 17, Т. 1, 110], что подтверждается достаточно давней распространенностью (ср. Ряз., 1820)

слова в русских говорах, в большинстве своём исторически и ареально смежных с областью распространения татарского языка. Ср.: *Баклага* и, ж. 1. Большой глиняный или деревянный сосуд, род кувшина (Тамб., 1851; Новг.)... 2. Бочонок... (Курск., 1854). Деревянный маленький бочонок (Перм., 1848; Урал.). Род винного бочонка (Ряз., 1820) || Ведерко, бочонок для дегтя (Пск., 1850; Твер., Волог., Смол., Калуж.) и др. [10, Вып. 2, с. 59].

Бурун, а и у, м. обл. → *нейтр.* 'сильное волнение, возникающее на больших отмелях, у прибрежных камней и скал' – Лексикон Татищева, 1793 г.; Слов. Акад. 1789: *бурун* – волнение (речение морское) [11, Вып. 2, с. 171] т. е. *терминолог.*, в художественной литературе, начиная с А.П. Сумарокова (1782 г.), *бурун* [13, Т. 1, с. 701] 'волна с пенистым гребнем над подводными камнями, у скал, отмелей и т. п.' // 'волна, поднимаемая судном при движении' (и в художественной литературе 20-50-х гг. XX в.) [13, Т. 1, с. 701; 14, Т. 1, с. 832]. - Тат. *бурун* [13, Т. 1, с. 701; 17, Т. 1, с. 248].

Бурундук, а, м. обл. 'зверёк-грызун' (в дневниках путешествий по Сибири, 1770, 1771-1805 гг.) [11, Вып. 2, 134], *зоол.* 'грызун сем. беличьих с красивой пестрой шкурой, имеющей промысловое значение' [13, Т. 1, 701; 14, Т. 1, 832]. - Слов. Акад. 1789: *бурундук* с рано развившимися производными *бурундучий*, *бурундучовый* [11, Вып. 2, 134], *бурундуковый* (Даль, Слов.). - Тат. *бурундук* [13, Т. 1, 701; 14, Т. 1, 832; 16, Т.1, 208].

Бухтарма, ы, ж. Кожев. То же, что мездра (1771г.) – Слов. Акад. Росс. 1789: *бухтарма* [11, Вып. 2, с. 175]; Акад.сл. 1891: *бухтарма* (пример: *Мельников*) <тюрк. [10, Вып. 1, с. 256]. На возможный татарский источник указывает распространение в говорах: том., кемер. *бухтарма*, вят. (1927 г.) *бухторма* 'внутренняя сторона кожи, животных; мездра' (Даль, а также 'нижняя сторона грибной шляпки' [без указ. места]) [10, Вып.3, с. 325-326].

Ергак, а, м. обл. 'У казаков и кочующих Татар: шуба навыворот носимая, сделанная из кож жеребятных или выпоротков лошадиных'. - Слов. Акад. Росс. 1790 [11, Вып. 7,

с. 79]; обл. 'тулуп из жеребьячьих шкур, шерстью вверх; доха' (В.И. Даль, Бикей и Мауляна, 1836г.; П. Д. Боборыкин, Перевал, 1893 г.) [13, Т. 5, с. 1266], 'тулуп иа шкурок жеребят, мехом наружу; доха' Астрах., 1840; Дон., Перм. || 'тулуп или халат из жеребьячьих, пыжиковых, козьих и т. п. шкурок с низким ворсом, мехом наружу' (Сиб., Даль) || 'шуба с мехом внутри наружу, доха' (Сиб., Даль. Сиб., Симб., Урал.) || 'кафтан из лошадиной шкуры, мехом наружу' (Перм., 1853, Астрах.) [10, Вып. 8, с. 366]. - Тат. ярқақ - шуба без шерсти [13, Т. 5, с. 1266], точнее, йарғақ 'кафтан, который надевают татары' [23, с. 141].

Кармак ка, м. 'Татарск. Род уды самоловной, употребляемой на Волге (выд. наше. - А.М.) зимою для ловления белой только рыбыцы...' - Пут. Гмел. [9, Ч. 3, с. 448-449]. - *Кармак*. Удочка для зимнего лова белорыбицы. На Волге. Слов. Акад.1814; Блесна; удочка с блесною. Касп. Слов. Акад.1908. *Кармак и кормак*. Волж., Даль [10, Вып. 13, с. 94]; 'астрах. лучек, самоловный прибор с удою на белорыбицу, который настоживает в прорубях, на Волге. || Черномор. черная шашковая снасть, крючья на подводцах и хребтине, без наживы, на красную рыбу' [4 Т. 2, с. 93,164]. - Из тюрк. [17, Т. 2, с. 201], точнее, тат., учитывая сферу распространения при общетюркском характере распространения этимона [23, с. 309-310].

Чебак ('рыба' [9, Ч. 6, 685]), а, м. обл. 'рыба сем. карповых, лещ, елец, плотва и др.', но Опыт обл. слов. Акад. 1852: *чабак*, а, м. [13, Т. 17, с. 804]. Первая форма поддерживается *чебак*, *чебачок* 'рыба породы карпий, сазанов, коропов || крупный лещ' (без указания местности) [4, Т. 4, с. 585] обл. уменьш.-ласк. к *чебак* [13, Т. 17, с. 804]. Вторая собственно диалектная - дон., курск. *чабак* 'рыба чебак, лещ' [4, Т. 4, с. 579], кубан., тоб., вятск., укр. *чабак* то же [17, Т. 4, с. 322]. - Из тюрк. [15, Т. 4, с. 322]. Предполагаемый «источник этого слова или в тат. *чабак* (развитие тат. *чабак* > русск. лит. *чебак* могло быть обусловлено эканьем, которое окончательно утвердилось в старомосковском говоре к концу XVII в.

[7, с. 197]) или в карач.-балк. *чабак*» [5, с. 33] ('мелкая речная рыба' [15, с. 177]), но последний из них сомнителен ввиду возможности отражения в кубан. *чабак* аналогичного украинского слова.

Юрта, ы, ж. 'переносное (обычно конусообразное) жилище из жердей, крытое шкурами, войлоком и т. п., у некоторых кочевых народов Азии'. - Росс. Целлариус 1771: *юрта* [13, Т. 17, с. 2006-2007] ты, ж. татар. 'шалаш, кибитка кочевых народов' [9, Ч. 6, с. 1015] («название это дано русскими (выд. наше. - М.А.) с монгольск. юрта...» [4, Т. 4, с. 669]). - Часть производных форм (*юртовый*; *юртовый* обл. 'относящийся, принадлежащий юрту'; *юртовый* старшина) в Слов. Акад. 1822 представлена и у В.И. Даля: *юртовой* старшина; *юрточный* ая, ое. «относящийся к юрте, принадлежащий юрте; такой, как юрта». - Тюрк. jurt [13, Т. 17, с. 2006-2007] обще-, межтюрк. характера, из репрезентатов, которого наиболее близким в хронологическом, фонетическом и семантическом отношении является татарский со значением 'кибитка' [23, с. 254, 255].

2. Из татарского или казахского.

Тума 'помесь; выродок от двух животных разных статей, или пород' [9, Ч. 6, с. 322]; 'метис, полурусский, полутатарин', южн., донск., *тумак* 'метис', также насмешливое прозвище жителей Нерчинска, в Забайкалье [17, Т. 4, с. 119]; *тума* (?), *тумак* м «ублюдок, выродок, всякая помесь животных двух разных видов... || мск. ярс. кал. полоумный, глуповатый, с придурью...» [4, Т. 4, с. 442]. - По-видимому, иноязычное [17, Т.4, с. 119]; ср. каз. *тумак*, которое вместе с тат. *тумак* - от каз., тат. ту - 'рождать(ся)' [22, с. 245].

3. В словаре получило также отражение лексическое влияние куманских крымско-татарского (*балык* через просторечие) и кумыкского (*тузлук* и новое слово *куруга/курага* через терские русские говоры) языков, которые были представлены на южных окраинах и границах России.

Балык а, м. 'провесные осетровые и белужьи спинки' (Слов. Акад. 1789; Путешест-

вие по Крыму и Бессарабии (!) П. Сумарокова, 1799г.); балыковина *простонародн.* (Слов. Акад. 1789) ‘кусок, часть балыка’ [11, Вып. 1, с. 134]. В последующем, наряду с *балык* (а, м. «просоленная и провяленная на ветру спинная часть крупной красной рыбы», «копченая и вяленая хребтовая часть осетровых и крупных лососевых рыб»), имеет место отражение в словарях иных производных форм: Слов. Акад. 1847: *балыковый*; Даль. Слов.: *балычный*; Ушаков. Слов.: *балычок*. - Тюрк. (кр.-тат. [20, с. 27; 18, Т. 1, с. 67]) балык – рыба [13, Т. 1, с. 261; 14, Т. 1, с. 319].

Курега 1786, *курага* 1786, и, 1795, *куреза* ы, ж. бот. ‘то же, что абрикос (лат. XVIII Prunus armeniaca)’ (перевод Палласа, 1786 г., в т.ч. «Абрикос .. По Русски на Терекъ (выд. наше. – М.А.) дикорастущая называется Курега .. По Татарски Курага»; ботанический словарь, 1795 г. – *куреза*); *курегинный, ая, ое.* (‘курегинная листья’ – Паллас, 1786 г.), Слов. Акад. 1792: *курэга* [11, Вып. 11, с. 83]. Отмечено впервые в форме *курага* в 1785 г. у Гмелина [см. 21, с. 450], с начала XX в. в говорах: *курага* «1. Собрив. Сушеные абрикосы без косточек («плоды абрикосового дерева» – закавказ., 1913 г.)| «мелкие абрикосы» – кубан. || «сушеные абрикосы» – Дон., 1929г. [10, Вып. 16, с. 108]; *курга* 1) ‘сушеные мелкие абрикосы’ – Дон., 1929 г.; 2) ‘абрикосы, нарезанные мелкими ломтиками для просушки’ – Дон., конец XIXв. [10, Вып.16, с. 114]). 2. Обл. (терск. *курага* [17, Т. 2, 425]), 1900 г., закавказ., 1913 г. – то же [10, Вып.16, с. 108]. *Курага* ‘абрикосовое дерево’ [13, Т. 5, с. 1854], но в современном русском литературном языке наблюдается сужение значения: *курага* ‘сушеные (разрезанные пополам) абрикосы без косточек’ [16, Т. 1, с. 1551; 8, с. 315].- Тюрк. *kurak, kurug* – сухой [11, Вып. 11, с. 83; 13, Т. 5, с. 1854], в XVIII в. из азерб. или кум. [21, 450] *kurägä* [17, Т. 2, с. 425], точнее, *кюреге* «1) абрикос// абрикосовый; 2) курага» (дерево и плод) при неизвестности данного слова азербайджанскому языку.

Тузлук ка, м «1) разсол, соль в воде разведенная, в которую разпластанная рыба кла-

дется для соления (путешествие Гмелина – см. ниже); 2) род старинного убора» [9, Ч. 6, с. 319], известный с 1389 г. как «украшение на поясе». Первое значение – из тюрк. *tuzluk* то же [16, Т. 4, с. 824; 17, Т. 4, с. 116], в памятниках русского языка с 1770 г. [26, с. 27]. Представлено в нижнетерских, каспийских (‘рассол’) [1, с. 54] и астраханских (‘рассол (для соления рыбы и икры)’); ср. производные формы: «*тузлуковый, тузлучный*, к тузлуку относящийся; *тузлучник* рабочий, опытный в деланье тузлука, т. е. знающий меру и крепость ему» [4, Т. 4, с. 441]. – Кум. *тузлукъ* (но не ног., тат. *тузлыкъ*), поддерживаемое аналогичными ареально близкими крымско-татарскими и караимскими формами, но не отдаленными турецкого, гагагузского, узбекского и башкирского языков [22, с. 289].

4. Из кумыкского наряду, возможно, с казахским и ногайским [3, с. 23-25], но книжным путем – *тарпан* ‘дикая лошадь’ [9, Ч. 6, с. 28-29], водившаяся «до конца 19 века в степях Европы и западной Сибири» [16, Т. 4, с. 655] (впервые описана С.Г. Гmeliным в 1768 г.).

5. Из тюркских [12, Вып.10] сибирских (алт., саг., тел., койб. *kandyk* – то же [17, Т. 2, с. 180]) – новое слово *кандык* 1792 (-дик 1765 - С.Г. Гмелин, Сибирь), а, м. ‘растение в Сибири (лат. *Erithronium dens canis*)’.- Слов. Акад. Росс. [12, Вып. 10], «*кандычный*, к растениям этим относящийся» [4, Т. 2, с. 84].

6. Из турецкого.

Сусак а, м. «трава, ежегодно возрождающаяся от корня...Растет в Европе около берегов речных и водах стоячих» [9, Ч. 5, с. 971-972]; Нордстет, 1782: *сусак* [13, Т. 14, с. 1217]; наряду с *сусак* м. известна и производная форма *сусаток* ‘водяное, зонтичное растение *Butonus umbellatus*...’ [4, Т. 4, с. 363]. – Тур. *susak* в знач. ‘жаждущий, испытывающий жажду’ [19, с. 211], которое известно в данном звучании, наряду со средневековыми тюркскими, в киргизском и азербайджанском языках [24, с. 326].

Чумак а, ж. ‘в питейных домах прислужник целовальнику, который разносит на-

питки, наблюдает чистоту, обирает пустую посуду и проч.' [9, Ч. 6, с. 833-834]; род. п. - á кабатчик', казанск., перм. (Даль), олонекц., тотемск., вологодск. 'торговец солью и рыбой', укр., блр. чумák 'возница'. – Тур. čomak 'булава, длинная палка', уйг. čomak 'сильный, крепкий' при неясности значения 'виноторговец' [17, Т. 4, с. 382]. В принципе, могло развиваться из отразившегося уже в академическом словаре 1847 г. укр. чумák 'в старину на Украине – крестьянин, возивший на волах в Крым хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, а оттуда соль, рыбу и прочие товары для продажи' [13, Т. 17, с. 1198-1199].

8. Из тюркских языков неясной конкретной принадлежности.

Карга (кор-), и и *й*, ж. (*карга* как мужское имя собственное с XVII в., женское – у Радищева в поэме «Бова» (1799-1801 гг.) [18, Т. 1, с. 380]) «1. Ворона (в переводах 1779, 1788 гг.). 2. Прост. Злая ворчливая старуха» (в переводах 1717, 1755 гг.; стихотворная пародия, 1791 г.); производная форма *коргин*, а, о. (стихотворная пародия, 1791 г.) [9, Вып. 10]. С иным (*устар.*) напис: *корга*; в иной (*обл.*) форме: род. мн. *карог*. – Слов. Акад. 1792: *корга* – ворона; Слов. Акад. 1814: *корга*- старуха, старая баба (в простореч.); Даль, Слов.; Ушаков, Слов.: *карга* [13, Т. 5, с. 513; 16, Т.1, с. 1320], а также «1. *Обл.* Ворона (в фольклор. и художеств. литературе второй пол. XIX в.). 2. *Простореч. Бранно.* О сварливой, злой или безобразной старухе» (в художеств. литературе конца XIX-середины XX вв.). – Тюрк. карга - ворона [13, Т. 5, с. 513; 14, Т. 8, с. 68; 18, Т. 1, с. 380] в XVIII в. [21, с. 68], представлено единообразно в тюркских языках [15, с. 171], а также в ареально смежных с ними русских диалектах (в первом значении) [9, Вып.13, с. 82].

Чагра́ва вы, ж 'род чайки..., водится в Каспийском море и около онаго; питается рыбою...'; *чегра́вый*, вая, вое, прил. 'изчерна пепловатый, говорится о цвете перьев' [9, Т. 6, с. 655-656]; *чагра́вый* 'темно-серый, бурый', *чегра́вый* – то же, вост.-русск. (Даль), *чагра́ва*, *чегра́ва* 'маленькая чайка', прикасп. (Даль), которые из тюрк., ср. чаг. čegär 'була-

ный (о лошади)', каз. šağar 'сероглазый', алт. šokur 'пестрый', чув. tšagâr 'желтоватый, бурый' [17, Т. 4, с. 310].

Яшил ла, м. 'деревцо не с большим в сажень вышиною; весьма остистое...; растет в самых полуденных странах России' [9, Ч. 6, с. 1062]; *яшел* - растение 'Rhamnus erythroxylon' [17, Т. 4, с. 572].- Обще-, межтюрк. йашыл 'зеленый', практически единообразно представленное в большинстве тюркских языков [23, с. 164].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апрышко А.С., Гусейнов Г.-Р.А.-К. К вопросу о тюркских заимствованиях в нижнетерских и прикаспийских русских народных говорах // Вопросы отраслевой лексики. – Грозный, 1978. – С.49-56.
2. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. – Л.: Наука, 1972. – 431с.
3. Гусейнов Г.-Р.А.К., Мугумова А.Л. С.Г. Гмелин История двух заимствований 18 века из тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в русском языке // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2005. Вып. II. – С. 23-30.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1981-1982. ТТ.1-4.
5. Добродомов И.Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках: автореф. дис...докт. филол. наук. – М.: 1974. – 37с.
6. История лексики русского литературного языка XIX-начала XX века. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
7. Колесов В.В. История русского языка. – СПб.: Academia, 2005. – 669с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: 2006. – 940 с.
9. Словарь Академии Российской. – СПб., 1789, 1790, 1792, 1793, 1794. Чч.1-6 Словаря Академии Российской: [Электронный ресурс]/PDF-издание URL: <http://philiprovich.ru/Projects/ESAR/SAR.h...>(дата обращения: 23.08.2011).
10. Словарь русских народных говоров. –Л., СПб.: Наука, 1965, 1968, 1977, 1980. Вып.2, 3, 13, 16.
11. Словарь русского языка XVIII в. – Л., СПб.: Наука, 1984-2000. Вып.1-9,
12. Словарь русского языка XVIIIв. СПб.: Наука, 2000-2005. Вып.10,12-15 [Электронный ресурс] // Словарь русского языка XVIIIв.: [сайт].URL: <http://next.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/02/sl2> (дата обращения: 24.08.2011).

13. Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л., М.: Изд. АН СССР, 1950-1965. Тт.1-17.
14. Словарь современного русского литературного языка. – М.: Русский язык, 1991-1993. Тт. 1-4.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2001. – 822с.
16. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.:ОГИЗ, 1935-1940. Тт. 1-4.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964-1973. Тт. 1-4.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1994. Тт. 1-2.
19. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1976. – 337 с.
20. Этимологический словарь русского языка. – М.: Изд. МГУ, 1965. Т. 1. Вып. 2. – 270 с.
21. Этимологический словарь русского языка. – М.: Изд. МГУ, 1982. Т.2. Вып.8. – 470 с.
22. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1980. – 389 с.
23. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1989. – 292с.
24. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 2003. – 446 с.
25. Эфендиева А.Д. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI-XVII вв): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л.: 1975. – 16 с.
26. Эфендиева А.Д. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI-XVII вв): Дис. ...канд. филол. наук. – Л.: 1975. – 198 с.